

А.К. Геевский

НИКОМУ НЕНУЖНЫЕ ОСТРОВА: КИТАЙСКО-ЯПОНСКИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

В статье рассматривается территориальный спор между КНР и Японией вокруг группы островов Дяоюйдао/Сэнкаку, нынешнее состояние конфликта; детально изучается объект спора сторон; анализируются факторы, препятствующие урегулированию территориального спора.

Ключевые слова: КНР, Япония, Китай, Дяоюйдао, Сэнкаку, территориальный конфликт, суверенитет, исключительная экономическая зона, континентальный шельф, национализм.

NOBODY NEEDED ISLANDS: SINO-JAPAN TERRITORIAL CONFLICT

The article examines the territorial dispute between PRC and Japan over Diaoyudao/Senkaku islands, present state of the conflict; studies an object of the dispute in details; analyses the factors which impede the territorial dispute to be settled.

Key words: PRC, Japan, China, Diaoyudao, Senkaku, territorial dispute, sovereignty, exclusive economic zone, continental shelf, nationalism.

Пограничные и территориальные конфликты в Азиатско-Тихоокеанском регионе превращаются в один из ключевых факторов в современных международных отношениях. Каждый из них по-своему уникален, имеет свою историю и конкретные последствия и безусловно достоин отдельного рассмотрения. По нашему мнению, в данном контексте особого отношения заслуживают отношения Китая и Японии, поскольку экономическое взаимодействие двух этих стран категорически важно не только для них самих, но и для всей мировой экономики; политический же или военный конфликт между этими странами может существенно отразиться на безопасности всех стран АТР, а также спровоцировать «турбулентность» во всей системе международных отношений и системе глобальной безопасности. В данном контексте территориальный спор вокруг группы небольших островов в Восточно-Китайском море, которую китайцы именуют Дяоюйдао, а японцы – Сэнкаку, представляет из себя «бомбу замедленного действия», способную в один момент уничтожить стабильность не только в регионе.

В этой статье мы не станем рассматривать историю территориального спора между КНР и Японией, не будем заниматься анализом публичных позиций государств, распространяемых

представителями их министерств иностранных дел. Нам хотелось бы показать, в чем состоит истинная подоплека данного территориального спора, и объяснить, почему его не удастся урегулировать вот уже на протяжении десятилетий.

Суть спора Китая и Японии

Как известно, официальным объектом спора являются непосредственно острова Дяоюйдао и суверенитет над ними. Однако сами по себе острова как территория для обеих стран неважны. Дело в том, что район островов Дяоюйдао предположительно богат нефтью и газом, а также традиционно является местом добычи рыбы. Таким образом, первопричиной конфликта являются биоресурсы акватории островов и энергетические ресурсы, залегающие на шельфе. В связи с этим возникла проблема разграничения исключительных экономических зон (далее – ИЭЗ) и делимитации континентального шельфа.

Согласно Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г. [1], каждое государство, имеющее выход к морю, имеет ИЭЗ, ширина которой не превышает 200 морских миль. Только это государство имеет право вести в данной зоне добычу биоресурсов, разведку и добычу минеральных и энергетических ресурсов, научные исследования, создавать искусственные острова и сооружения. Согласно этой же Конвенции, каждое имеющее выход к морю государство обладает континентальным шельфом, который представляет из себя *морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря¹ на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние*. Если протяженность континентального шельфа превышает 200 морских миль, то государство вправе обозначить его внешнюю границу самостоятельно, при этом граница не должна находиться далее 350 морских миль от границы территориального моря данного государства. В таком случае граница может быть установлена лишь в соответствии с решением Комиссии ООН по границам континентального шельфа, которой должны предоставлены все соответствующие документы и научно обоснованные доказательства протяженности континентального шельфа. Только данное прибрежное государство имеет право на разведку и разработку живых и минеральных ресурсов на своем шельфе.

Исходя из указанных выше требований, рассмотрим ситуацию Китай – Япония. Расстояние между японской префектурой Окинава и континентальным Китаем составляет менее 400 морских миль. Таким образом, ИЭЗ КНР и Японии заведомо взаимно пересекаются. Если брать в расчет спорные острова Дяоюйдао, то теоретически, государство, распространяющее на них свой суверенитет, имеет право отсчитывать свою ИЭЗ от данных островов, что существенно сдвинет линию, разграничивающую ИЭЗ двух стран в сторону государства-соседа. Таким образом, вопрос о принадлежности островов становится неразрывно связанным с вопросом о разграничении ИЭЗ двух государств.

Проблема разграничения с самого возникновения создавала препятствия для определения того, в каких акваториях могут осуществлять рыболовство китайские суда, а в каких – японские.

¹ Внешняя граница территориального моря находится на расстоянии от береговой линии, не превышающем 12 морских миль.

Согласно упоминавшейся выше Конвенции ООН по морскому праву, в подобной ситуации разграничение должно проводиться на основе договоренности самих государств. Шаги в этом направлении действительно были предприняты – в ноябре 1997 г. между КНР и Японией было заключено Соглашение об установлении временной совместно контролируемой морской зоны в Восточно-Китайском море. Одновременно была достигнута договоренность о продолжении переговоров по решению вопроса об установлении 200-мильной ИЭЗ, однако решение не найдено до сих пор. Япония предлагает провести достаточно справедливое, на взгляд автора, разграничение ИЭЗ по срединной линии, т.е. по линии, равноудаленной как от побережья Японии, так и побережья Китая. Китай не соглашается с этим предложением и настаивает на том, чтобы вопрос о делимитации ИЭЗ решался «в одном пакете» с вопросом о принадлежности островов Дяюйдао. Скорее всего, таким образом Пекин рассчитывает извлечь максимально возможную выгоду из сложившейся ситуации. Но для этого необходимы очевидно односторонние уступки Японии, что представляется маловероятным.

Не менее сложна и ситуация с континентальным шельфом. Япония, аналогично с ИЭЗ, предлагает вариант разграничения шельфа по срединной линии. КНР же в принципе отрицает единство континентального шельфа ввиду наличия между Китаем и Японией Окинавской впадины. Китай настаивает на том, что восточная кромка данной впадины, находящаяся на удалении 340 миль от его побережья, и является границей его континентального шельфа. Континентальный шельф Японии, по мнению китайской стороны, является отдельным геологическим образованием. Япония в свою очередь настаивает на том, что Окинавская впадина лишь единичное углубление на континентальном шельфе материка, а не его естественная граница. Не теряя надежды на успех, 14 декабря 2012 г. КНР подала в Комиссию ООН по границам континентального шельфа соответствующие сведения, которые должны, по ее мнению, позволить расширить границы своего континентального шельфа до указанных выше пределов. В ответ на эти действия Япония подала в эту же Комиссию свои возражения и призвала ее не рассматривать заявку КНР. Разрешения данная ситуация пока что так и не получила.

Препятствия на пути разрешения конфликта

Что же мешает урегулировать конфликт? Чтобы дать ответ на этот вопрос и понять, почему же Китай и Япония в течение долгих лет не могут найти консенсус, мы предлагаем рассмотреть несколько факторов, существенно осложняющих поиск компромисса.

Во-первых, постоянно возрастающая потребность КНР в энергоресурсах. В настоящее время неуклонно растет зависимость Китая от импорта нефти и газа. Правительство пытается диверсифицировать поставки, чтобы обеспечить энергетическую безопасность страны, однако наиболее предпочтительным вариантом для Китая является все же разведка и разработка собственных месторождений. Поэтому можно полагать, что в условиях, когда запасы месторождений энергоресурсов на континентальном шельфе Восточно-Китайского моря еще недостаточно разведаны и есть надежда, что они достаточно крупны, закрепление за собой шельфа вплоть до Окинавской впадины является одной из составляющих стратегии по обеспечению энергетической безопасности КНР в будущем.

Во-вторых, на конкретную ситуацию с территориальным спором и на китайско-японские отношения в целом заметно влияет подъем национализма в обеих странах. Особенно ярко это было заметно в КНР в августе-сентябре 2012 г., когда более чем в 100 городах проходили

антияпонские демонстрации и откровенные погромы. В 90-е гг. в Японии были чрезвычайно активны различные молодежные и студенческие организации, неоднократно совершавшие высадки на спорные острова с целью починки установленного на них японского маяка или же для возведения там храма. В ответ на все их акции китайская сторона неуклонно заявляла свой протест, а японская береговая охрана старалась пресекать подобные высадки.

Стоит отметить, что в Китае созданы добровольные общественные организации, направленные специально на «защиту» островов Дяоюйдао. 8 сентября 1996 г. в Пекине был создан Китайский народный союз по защите островов Дяоюйдао (中国民间保钓联合会). Члены данного объединения неоднократно осуществляли выходы в море для проведения акций неподалеку от спорных островов или же высадки на них. Позднее в деятельности Союза стали принимать активное участие выходцы из Гонконга и Тайваня, поэтому можно сказать, что организация действительно стала всекитайской. Более того, Союз постепенно разрастался, в настоящее время под его эгидой функционирует более 900 патриотических и антияпонских сайтов, к его деятельности присоединились даже некоторые фирмы, предприятия, информационные центры и даже учебные заведения.

Немаловажным для националистически настроенных представителей китайского общества было создание 2 января 2011 г. опять же в Гонконге Всемирной лиги китайцев по защите островов Дяоюйдао (世界华人保钓联盟). Именно представители Лиги высаживались на спорные острова в августе 2012 г. В настоящее время данное общество продолжает активно развиваться: ведет пропагандистскую работу и занимается сбором средств. Стоит отметить, что количество людей, жертвующих средства, достаточно велико. По отчетам, размещенным на сайте Лиги, суммы варьируют от 10 до нескольких десятков тысяч юаней, это свидетельствует, что в будущем у организации будет явно больше возможностей для ведения активных действий по «защите» островов.

Профессор Токийского университета Синичи Киотака полагает, что современный китайский национализм есть результат специфического патриотического воспитания. По его мнению, после распада СССР КПК стала использовать национализм вместо марксизма-ленинизма и маоизма для объединения людей. При этом китайский национализм существует в форме ирредентизма². По мнению профессора, Китай стремится достигнуть тех границ, которые имел при династии Цин, когда размер территории страны достиг своего максимума [5].

Аналогичную точку зрения по поводу манипулирования КПК настроениями китайского народа с помощью национализма высказывал даже премьер-министр Японии Синдзо Абэ в феврале 2013 г., во время своего визита в Вашингтон. Он заявил: «Китай имеет глубоко укоренившуюся нужду в борьбе за территорию с Японией и другими соседними государствами, потому что стоящая у руля Коммунистическая партия использует данные споры для получения мощной поддержки внутри страны» [6].

Что касается самой Японии, то там национализм ярче всего проявляется на уровне политического руководства. А.В. Семин в одной из своих работ цитирует такое понятие как

² Под ирредентизмом здесь понимается политика, направленная на воссоединение территории государства с теми территориями, которые, как считается, раньше входили в его состав.

националистический консерватизм [3, с. 170]³, использованное китайскими исследователями из Института исследований Японии Академии общественных наук КНР [7] для характеристики доминирующих внутривнутриполитических тенденций Японии. Здесь главным образом подразумевается тот факт, что Япония не признала своей вины за развязывание войны в АТР и осуществление геноцида других азиатских народов, чего требуют от нее государства данного региона. Особенно болезненно этот момент воспринимается все той же КНР, где жертвами японской оккупации стали миллионы людей. Япония настойчиво пытается оставить за собой или вернуть себе хотя бы некоторые небольшие территории, которые она ввела в свой состав за время существования империи, – например, те же Дзяюйдао, Курильские острова, острова Токто. Кроме того, в Токио по-прежнему существует храм Ясукуни, воздвигнутый в честь воинов, павших за Японскую империю. Священнослужения в этом храме вызывают неодобрение многих стран АТР, поскольку воспринимаются как одобрение завоевательных действий и зверств японской армии в годы Второй мировой войны, расцениваются как признаки возрождения японского милитаризма, так и не искорененного империализма. Особенно болезненно другими странами воспринимаются посещения храма Ясукуни японскими политиками. Примером могут послужить неоднократные визиты в храм Дзюньитиро Коидзуми в статусе премьер-министра Японии, а также визит туда нынешнего японского премьер-министра Синдзо Абэ 17 октября 2012 г., после того, как он стал главой либерально-демократической партии Японии.

Национализм в данной ситуации явно является весьма серьезным фактором, оказывающим давление на принятие внешнеполитических решений как в Китае, так и в Японии, он откровенно не способствует проявлению гибкости с обеих сторон, поскольку любая гибкость может быть расценена населением стран как проявление слабости, что в свою очередь лишит власти его поддержки. Поэтому мы можем сказать, что независимо от того, существует ли национализм в Японии и Китае как самостоятельное социальное явление или же он был разожжен властями искусственно, сами власти стали его заложниками и в настоящее время не имеют достаточного пространства для маневра при ведении переговоров по урегулированию территориального конфликта.

В-третьих, большое недоверие Японии вызывает фактор непрозрачности военных расходов Китая и стремительный рост его военной мощи. Данный процесс с точки зрения государственного развития является вполне естественным, поскольку в течение десятилетий Китай делал ставку на мирное экономическое развитие. Развитию и модернизации оборонных возможностей страны уделялось куда меньше внимания и, соответственно, выделялся значительно меньший объем финансовых средств. В настоящее же время, когда Китай вышел на второе место в мире по объему ВВП и обладает широкими финансовыми возможностями, вполне логичными являются его действия по восполнению тех пробелов, которые допускались ранее. Поэтому в настоящее время КНР развивает отечественные оборонные системы. Особое внимание уделяется военно-морскому флоту, авиации и космосу.

Именно интенсивное развитие китайского ВМФ и вызывает особые опасения Японии, которая граничит с Китаем исключительно по морю и имеет с ним разногласия относительно разграничения акваторий. Еще 17 декабря 2010 г. в Японии была опубликована Национальная

³ По кит. – миньцубаошоучжуи (民族保守主义).

оборонная программа, в которой большое внимание уделено росту мощи китайского флота. Японцы уже длительное время заявляют о том, что военные расходы Китая значительно превосходят официально публикуемые китайскими властями цифры. В то же время не всегда удается проследить направления официальных расходов, поэтому в японской оборонной политике все большее место занимает фактор непредсказуемости действий со стороны КНР. В связи с этим из японских политических кругов (как правило, из рядов консервативных и правых политиков) все чаще поступают предложения снять запрет на разработку и производство в Японии современных вооружений – как самостоятельно, так и совместно с другими странами. В декабре 2011 г. был отменен запрет на экспорт вооружений, действовавший в Японии с 1967 г. Поступают также предложения и вовсе переписать главу вторую конституции Японии, согласно которой страна приняла на себя обязательство не создавать собственные полноценные вооруженные силы. Именно из-за этой главы конституция Японии в свое время была прозвана «пацифистской», отсутствие полноценной армии делает невозможным для нее ведение наступательных действий и, следовательно, выступление в роли агрессора.

В-четвертых, фактор усиления влияния США в АТР. Этот фактор напрямую связан с предыдущим, поскольку одной из главных причин интенсивного развития вооруженных сил КНР является потребность обезопасить себя, используемые морские пути и коммуникации от потенциальных действий ВМС США. Особое беспокойство у Китая вызывает новая инициатива во внешней политике администрации Барака Обамы под названием «Поворот в Азию» («*Asiapivot*»), которая подразумевает перемещение основного внимания США в сфере обеспечения международной безопасности с Ближнего Востока в Юго-Восточную Азию [8, с. 102-105].

В настоящее время на территории Японии и Южной Кореи дислоцируется американский воинский контингент в составе 50 тыс. и 28 тыс. человек соответственно. В АТР, на острове Гуам, находится авиабаза ВВС США «Андерсен», на которой размещены стратегические бомбардировщики, способные нести ядерное оружие. Вопреки негативному отношению к этому КНР не прекращается военная помощь Тайваню. К 2020 г., согласно стратегии «Поворота в Азию», диспропорция кораблей ВМС США в Тихом и Атлантическом океанах изменится с нынешних «50 на 50» на «60 на 40». В Тихом океане будут нести дежурство шесть авианосцев, большинство крейсеров и эсминцев, прибрежных боевых кораблей и подводных лодок. В то же время США достигнуто соглашение с Австралией, согласно которому близ города Дарвин будут размещены подразделения американской морской пехоты и дополнительные силы американской авиации. Согласовано базирование американских боевых кораблей в Сингапуре.

Главной аргументацией для подобной политики выступают угроза, исходящая от Северной Кореи, и союзнические обязательства, которые США исполняют в связи с двухсторонними договорами с рядом государств региона. Однако КНР расценивает подобное действие как направленные на ее военно-стратегическое сдерживание, что по оценке министерства обороны КНР может привести к «холодной войне» между КНР и США [4, с. 3-5].

Подобная политика со стороны Штатов в совокупности с тем фактом, что последние являются главным союзником и гарантом безопасности Японии, с которой КНР имеет территориальный спор, заставляет Китай занимать жесткие позиции в этом споре и демонстрировать свою готовность противостоять давлению, оказываемому извне.

В-пятых, фактор Тайваня в китайско-японских отношениях. Анализ договоренностей, достигнутых Японией и КНР по тайваньской проблеме в сентябре 1972 г. в ходе нормализации двухсторонних отношений, приводит к выводу: Япония никогда не признавала суверенитет КНР над островом. Она лишь выразила «понимание и уважение» позиции КНР, что далеко не равнозначно ее признанию [2, с. 190]. Япония не предпринимает открыто каких-либо действий, которые можно было расценить как поддержку тайваньской государственности и независимости от КНР, поскольку все подобные действия последняя воспринимает достаточно болезненно и реагирует на них весьма жестко. Однако есть все основания полагать, что Япония в будущем может сделать всё от нее зависящее для того, чтобы не допустить объединения острова и материка. Причины для этого неоднозначны. С одной стороны, Тайвань – это весьма крупная экономика, с огромным производственным, финансовым и научно-техническим потенциалом. При вхождении Тайваня в состав КНР последняя существенно усилила бы свою и без того солидную экономическую мощь, а также получила бы доступ ко многим современным технологиям, что существенно повлияло бы на международную торговлю КНР, в том числе и на торговлю с Японией, которая экспортирует в Китай высокотехнологичную продукцию. С другой стороны, Тайвань – одна из составляющих первой линии обороны в морской оборонной стратегии КНР. Данная линия начинается от побережья Южной Кореи, проходит через японские острова, Тайвань, Филиппины и Индонезию. При вхождении Тайваня в состав континентального Китая и дислоцировании на нем военно-морских баз КНР обеспечили бы господство последней в пределах акватории, ограниченной указанной выше линией, что, по мнению руководства японских Сил самообороны, существенно повлияло бы на оборонный потенциал их страны. Ввиду сказанного фактор Тайваня остается в определенной степени раздражителем в китайско-японских взаимоотношениях и может в будущем послужить причиной для взаимных упреков сторон или даже для оказания одной из сторон на другую определенного давления.

Подводя итоги, можно сказать, что вопрос о территориальной принадлежности островов Дяюйдао связан прежде всего с возможностью единолично контролировать и осваивать ресурсы моря и континентального шельфа данного района Восточно-Китайского моря. Сами же острова, как территория, по сути обоим государствам не нужны. В данном противостоянии Япония явно занимает более компромиссную позицию, в то время как позиция Китая достаточно резка и не оставляет какого-либо пространства для маневра. Именно ввиду бескомпромиссности последнего в решении территориального конфликта не наблюдается никаких положительных подвижек. В то же время очевидно, что конфликт не существует сам по себе, а находится под воздействием ряда существенных внешних факторов, которые затрудняют нахождение компромисса и сковывают действия сторон. В связи с этим остается лишь констатировать, что вряд ли затяжной характер территориального спора в ближайшее время изменится, в то же время трудно давать какие-либо надежные прогнозы относительно развития ситуации.

1. Конвенция ООН по морскому праву // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml. – 19.11.2012.

2. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / под ред. Г.И. Чуфрина. – М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2007. – 328 с.

3. Семин, А.В. Китайско-японские отношения и политика Китая в отношении Японии в грядущем десятилетии // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 4. – С. 168-173.

4. Семин, А.В. Треугольник США – Китай – Япония и АТР // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 9. – С. 2-8.

5. Kiotaka, S. A New Asian Order and the Role of Japan [Электронный ресурс] // Asia-Pacific Review. – 2011. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1080/13439006.2011.640579>. – 15.03.2013.
6. Chinamakes strong representations with Japan over Abe's comments [Электронный ресурс] / Hou Qiang // Xinhuanews: офиц. сайт. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-02/22/c_13218590.htm – 22.02.2013.
7. Дандай жибэнь чжэнчжи чжундэ миьцзубао шоучжуи [Электронный ресурс] / Institute of Japanese Studies // Chinese Academy of Social Sciencies: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://ijs.cass.cn/2004/0817/161.html>. – 10.02.2013.
8. Тимофеев, О.А. Американско-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции // Современный Китай в системе международных отношений. – М.: КРАСАНД, 2012. – С. 82-127.